

было упомянуто составителем описания рукописей Петербургской духовной академии А. Родосским,⁷ все же этот любопытный во многих отношениях сюжет не был учтен ни историками, ни литературоведами.

В начале рассказа сообщается от лица Гавриила тверитина «и з сестрою Ириною», что 27 июня 1701 г., в петров пост, они были в Троице-Сергиевом монастыре и слышали про петровский указ о сборе колоколов («от всево звону четверть») на литье пушек. Далее рассказывается, как троицкие власти старались выполнить указ («указу противны быть не смели») и как этому сопротивлялись сами колокола: старинный колокол, намеченный к отсылке в Москву, исчез; другой, когда хотели его разбить, не поддался и гудел от удара трое суток; еще два колокола, «братевники именуемы», долго не снимались с крючьев, потом сами «пали, стены обламали». Через некоторое время в пруде за монастырем был отыскан потерявшийся колокол. Об этом отправили известие царю Петру, после чего он приходил в монастырь, «плакол, прощения просил у чудотворца Сергия о изволении своем». Отправленные на московский Пушечный двор колокола-«братевники», как оказалось, «в литье пушачного дела не пошли... потому что медь жестка».

После этого рассказа следует запись о том, что в тот же день, 27 июня, когда Гавриил тверитин слышал рассказ о колоколах, была украдена в Троице-Сергиевом монастыре, у гроба преподобного Серапиона, кружка с деньгами. Затем сообщается о московском пожаре, бывшем в Кремле несколько раньше, 19 июня 1701 г., а также о пожаре в Воронеже и Нижнем городе (очевидно, Нижнем Новгороде), однако с долей сомнения и с указанием источника информации: «А подлинно ль или нет, того неведомо, только же люди говорили на площади и плотники слышав сказали».

Историческая основа чуда с колоколами Троице-Сергиевой лавры не вызывает сомнения. Дело в том, что после нарвского поражения 19 ноября 1700 г. по указу Петра I с церковью и монастырем собирали колокольную медь (одну четверть от общего веса колоколов) для литья пушек вместо затонувшей под Нарвой артиллерии.

Поскольку текст петровского указа и его точная дата не сохранились,⁸ обыкновенно ссылаются на косвенные источники. Среди них записи в «Журнале, или Поденной записке... Петра Великого»,⁹ в дневнике Б. И. Куракина,¹⁰ сведения в «Записках» датского посланника Юста Юля.¹¹

Привлекаются при этом и чисто документальные данные о сборе колокольной меди в том или другом городе, монастыре. Примером неукоснительного выполнения петровского указа обычно служат данные по городу Угличу и по Владимирскому Успенскому девичью монастырю, неодно-

310; Н. Оловянишников. История колоколов и колоколотейное искусство. Изд. 2-е, дополненное, М., 1912, стр. 205—206.

⁷ А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894, стр. 393—395.

⁸ Автор капитального труда по истории Петра I Н. Г. Устрялов (История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1, Битва под Нарвою и начало побед. СПб., 1863, стр. 70, прим. 9) отмечал: «Когда именно состоялся указ, в архивах не найдено».

⁹ Журнал, или Поденная записка блаженный и вечнодостойный памяти государя императора Петра Великого, с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира, ч. 1. СПб., 1770, стр. 28.

¹⁰ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. — Архив князя Ф. А. Куракина, кн. 1, СПб., 1890, стр. 261.

¹¹ Записки Юста Юля, датского посланника при русском дворе (1709—1711). — Русский архив, 1892, № 3, стр. 284.